

Пять часов тридцать минут вечера. Уроки в классах заканчивались один за другим, и ученики, словно толпа зомби из фильма ужасов, наперегонки бросились к столовой, стекаясь туда со всех сторон.

В Третьей старшей школе столовая трехэтажная. На первом и втором этажах — окна раздачи готовой еды, а на третьем — ресторан самообслуживания с разнообразными деликатесами. Ученики предпочитают обедать именно там, поэтому места на третьем этаже всегда на вес золота.

У Цзян Вэя полно прихлебателей, и один из них — местный всезнайка Мэн Имин. Еще до того, как инструктор скомандовал разойтись, он уже улизнул, чтобы занять для Цзян Вэя и его компании столик и купить ужин.

Когда Чжуан Цзиньлу и остальные неспешно добрались до третьего этажа, их уже ждал горячий ужин.

У Чжуан Цзиньлу при себе не было наличных, и он сказал Цзян Чэньсину:

— Переведи, пожалуйста, Мэн Имину и за меня тоже, я верну тебе, когда приду домой.

Цзян Чэньсин, расплакавшись от остроты фунчозы, отмахнулся:

— Не морочь голову, дело на пару десятков юаней, Мэн Имин угощает.

В Третьей старшей школе немало детей богатых родителей, но семьи Цзян Вэя и Цзян Чэньсина стоят на самой вершине этой пирамиды. Оба они привыкли сорить деньгами, и такие, как Мэн Имин, съели уже немало их средств, так что нет смысла мелочиться.

Мэн Имин закивал, натянув подобострастную улыбку:

— Верно, верно, я угощаю, староста, не будьте таким вежливым.

Чжуан Цзиньлу не любил, когда за него платили малознакомые люди, и замялся.

Сидевший напротив Цзян Вэй мельком глянул на него, примерно догадываясь, о чем тот думает. Люди из семей с неважным достатком часто обладают повышенным чувством собственного достоинства и не любят быть кому-то должны — это он понимал.

Цзян Вэй сделал глоток «Спрайта», затем протянул руку и хлопнул Мэн Имина по затылку:

— С чего это ты угощаешь? Ты что, такой богатый? Возвращай деньги, обязательно верни.

Мэн Имин: «...?»

Цзян Чэньсин: «...??»

Чжуан Цзиньлу тут же активно закивал:

— Да-да, нужно вернуть. У меня сейчас нет с собой денег, можно я отдам вечером?

Общежитие Мэн Имина находилось как раз по соседству с его.

Мэн Имин сглотнул слюну и украдкой покосился на Цзян Вэя. Этот великий дьявол одновременно добродушно улыбался ему и при этом сдавливал его шею.

Мэн Имин поспешно произнес:

— Можно, не торопитесь.

Только тогда Цзян Вэй отпустил его.

Вскоре Цзян Чэньсин и Мэн Имин завели разговор о красавцах и красавицах из других классов. Мэн Имин всегда был в курсе всех событий, от его зоркого глаза не ускользала ни одна новость в параллели.

— Кстати, вчера на школьном форуме появилась тема с голосованием за новых школьных принцев. Наш староста и Вэй-гэгэ оба попали в список. Видели бы вы, как визжали старшеклассницы, прямо как суслики.

Цзян Чэньсин взволнованно спросил:

— А я? А как же я?

— О, ты в списке богатых наследников из соседней темы.

—

Чжуан Цзиньлу, сосредоточенно выковыривавший из жареной лапши кусочки лука и морковки, вдруг почувствовал, как Цзян Чэньсин развернул его к себе:

— Лу, глянь на меня, я красивый?

Чжуан Цзиньлу три секунды пристально его изучал, а затем торжественно изрек:

— Синсин, у тебя опущены надбровные дуги — это к успеху в отношениях с парнями, но к сложностям с девушками. Переносица прямая — ты полон любви и сумеешь избежать любых бед. Мочки ушей крупные, загнуты назад — всю жизнь не придется беспокоиться о деньгах. Ты очень красив, и судьба у тебя счастливая.

Остальные трое: «...»

Староста, ты серьезно?!

Сексуальный староста открыл онлайн-салон гаданий?!

Чжуан Цзиньлу, не моргнув глазом, съел порцию лапши:

— Думаю, это правда. Конечно, если есть погрешности, то это чисто случайность.

Цзян Вэй заинтересовался:

— Ты еще и по лицам гадаешь?

Чжуан Цзиньлу скромно ответил:

— Я знаю лишь верхушку теории, просто любопытно, читал кое-какие книги. Но мама не разрешает мне углубляться, боится, что я нацеплю темные очки, повешу на шею полотенце и пойду гадать людям на улице.

Беспокойство его мамы имело под собой веские основания. Чжуан Цзиньлу с детства всем интересовался и хотел всему научиться, к тому же он был человеком, который почитал практику как единственный критерий истины — не исключено, что он действительно мог бы попытаться гадать людям.

Цзян Чэньсин расхохотался:

— Ну а что ты скажешь про свою судьбу?

Чжуан Цзиньлу ответил:

— Богатство, процветание, жизнь без преград, удача всегда со мной. А еще я приношу процветание дому и своей второй половинке.

Мэн Имин чуть не подавился едой. Цзян Чэньсин от смеха так бил по столу, что чуть не задохнулся.

Цзян Вэй, сдерживая смех до боли в висках, смотрел на беспомощное выражение лица Чжуан Цзиньлу, который, казалось, вовсе не шутил, и внезапно ощутил острое желание растрепать ему волосы. Он с трудом удержался:

— Ну что, маленький староста, скажешь что-нибудь про меня?

Чжуан Цзиньлу, потирая подбородок, серьезно посмотрел ему в глаза. Лицо Чжуан Цзиньлу напоминало его маму-супермодель: яркое и живое, а пара черных, как смоль, глаз была чистой, словно озерная вода — пугающе искренней.

Цзян Вэй непонятно почему на какое-то время засмотрелся в его глаза.

— Первую половину я не вижу, промолчу. Но в будущем ты встретишь благородного человека, все прошлые невзгоды уйдут, и тебя ждет очень, очень хорошее будущее.

Чжуан Цзиньлу улыбнулся ему:

— Надеюсь, так и будет.

Пожинав, Цзян Вэй прогулял вечернюю самоподготовку и уехал домой на своем электроскутере. Цзян Чэньсин тоже хотел сбежать, но Чжуан Цзиньлу не позволил:

— Если сбежишь с самоподготовки, я запишу твое имя в тетрадь.

Ван Вэньпин дала ему тетрадь, чтобы отмечать тех, кто прогуливает занятия.

Цзян Чэньсин был близок к слезам:

— Лу, ты больной? На вечернюю самоподготовку приходит от силы человек десять, учитель просто пугает нас, он даже не приходит проверять. Я хотел поиграть в игры в общежитии!

Чжуан Цзиньлу не стал с ним хихикать и серьезно произнес:

— Учеба не должна зависеть от контроля учителя, нужно проявлять сознательность.

Цзян Чэньсин проворчал:

— Я в списке отстающих третий, ты — второй.

Чжуан Цзиньлу увидел, что тот совсем не хочет идти, замялся, но настаивать не стал:

— Ну ладно. Но когда после военной подготовки начнутся полноценные занятия, ты обязан приходить.

Цзян Чэньсин отмахнулся:

— Ладно, ладно.

Вернувшись в комнату, Цзян Чэньсин тут же снял камуфляж и с голым торсом отправился в общую душевую на первом этаже.

Их общежитие построили почти двадцать лет назад, условия здесь хуже, чем в новых корпусах, отдельных санузлов нет. Впрочем, в Третьей старшей школе нет недостатка в богатых

родителях. В прошлом году один из них, не выдержав вида этого разрушающегося здания, пожертвовал деньги на новое, и со второго семестра они должны были переехать.

В комнате остались Чжуан Цзиньлу и его сосед Линь Хао.

Линь Хао спросил его:

— Чжуан Цзиньлу, ты идешь мыться?

Чжуан Цзиньлу, который на балконе осматривал свой любимый кактус, ответил:

— Сейчас пойду, пойдешь со мной?

Линь Хао покачал головой:

— Я не ходил в столовую и сразу вернулся в комнату, я уже помылся.

Чжуан Цзиньлу высунулся из-за двери:

— А ты не ужинал? У меня есть хлеб, хочешь?

— Я уже поел.

Чжуан Цзиньлу пробормотал «оу» и тут же увидел на столе чашку от лапши быстрого приготовления. Он подумал: почему Линь Хао каждый день ест эту лапшу, это же так вредно.

Линь Хао, словно прочитав его мысли, опустил глаза и мрачно сказал:

— В столовой Третьей старшей школы слишком дорого, одна порция мяса и овощей стоит десять юаней.

У Линь Хао дома дела шли плохо: отец из-за производственной травмы был прикован к постели, работодатель сбежал, компенсацию получить не удалось, семья жила только на заработки матери, работавшей на фабрике.

Сам он был худым, маленьким и робким, в классе почти не был замечен. А если и перекидывался парой слов с Чжуан Цзиньлу, то только потому, что считал того таким же, как он сам. Он каждый день видел, как Чжуан Цзиньлу утром покупает только одну булочку на сахаре, никогда не заказывает доставку чая с молоком вместе с остальными, у него даже мобильного телефона не было.

Положение Чжуан Цзиньлу должно быть таким же, как у него, но выглядел он гораздо увереннее и бодрее.

— Как ты умудряешься быть таким оптимистом? Разве ты не чувствуешь, что наше будущее — сплошная тьма? Учеба не ладится, дома нищета, перспектив никаких, — Линь Хао сидел на

кровати, его лицо выражало полную безнадежность.

«Наше...?» Чжуан Цзиньлу задумался, осознав, что Линь Хао, вероятно, в чем-то заблуждается. Его повседневные вещи действительно были недорогими, никакой роскоши, в еде и одежде он старался экономить — но это была лишь привычка, выработанная годами.

Чжуан Цзиньлу в детстве часто болел, и его родители, наслушавшись каких-то суеверий, решили, что он слишком хорошо родился, а его судьба слишком слаба, чтобы выдержать такое счастье, поэтому до восемнадцати лет его нужно воспитывать в строгости и бедности. Родители рассуждали так: мальчик — это не девочка, ему не нужны изысканные наряды, достаточно быть бодрым и здоровым, поэтому с детства приучали его к бережливости.

Чжуан Цзиньлу узнал, что его семья очень богата, только в двенадцать лет...

Но сейчас он не мог сказать правду. Он присел рядом с Линь Хао и серьезно произнес:

— Ты не выбирал, где родиться, но свою жизнь определяешь сам. Если бы ты родился в богатой семье, твой будущий успех в глазах других был бы лишь следствием хорошего происхождения и того, что родители проложили тебе путь. Но если ты вырос в бедности, то после успеха станешь примером для вдохновения, героем биографий, которые становятся бестселлерами.

Линь Хао, неясно, слушал ли он, перевел взгляд на открытый шкаф Цзян Чэньсина, где любая вещь стоила тысячи юаней. Он пробормотал:

— Несправедливо. Все эти богачи — просто никчемные бездельники.

В этот момент вернулся Цзян Чэньсин, и Линь Хао замолчал.

— Лу-лу, в душе сегодня мало людей, иди скорее.

— О, уже иду.

Чжуан Цзиньлу взял тазик, чтобы сложить мыльные принадлежности, как вдруг услышал от Цзян Чэньсина удивленное:

— Черт, а где мои часы?

Чжуан Цзиньлу обернулся:

— Какие именно?

— Те, швейцарские, которые я носил, с синими стрелками.

Чжуан Цзиньлу напряг память:

— Ты вчера вечером говорил, что хочешь примерить новые часы, и должен был снять старые и

положить в правый ящик. Поищи внимательнее.

У Цзян Чэньсина отвисла челюсть:

— Откуда у тебя такая память?

— Просто я заметил, что ты любишь сваливать вещи в правый ящик.

Цзян Чэньсин: «...»

Он выдвинул ящик, вывернул оттуда все содержимое, но часы не нашел.

Цзян Чэньсин схватился за голову:

— Да что ж такое, куда я их засунул?

Чжуан Цзиньлу отставил тазик и помог ему еще раз все осмотреть, думая про себя, что он точно не ошибся — Цзян Чэньсин положил их в этот ящик.

— Они очень дорогие?

— Около трех тысяч, мелочь, но обидно, если потерял, — Цзян Чэньсин вздохнул. — Ладно, забей, может, появятся, если не буду их искать.

<http://bllate.org/book/27756/3368021>